

Мужской клуб

Натали - Сэнки Петербург - 1992 - № 4 - С. 7

СПЕЦИАЛЬНО ПРИГЛАШЕННАЯ «ЗВЕЗДА»

Молодой — потому что в апреле исполнится всего сорок шесть. Пенсионного — оттого, что «рабочий инструмент» оперного певца недолговечен. На предложение поговорить о женщинах Сергей Лейферкус ответил: «Ну что ж, давайте о вечном...»

— Тогда для начала вопрос сугубо невинный: почему женщины ходят в театр чаще мужчин?

— И это, кстати, не только у нас! Во всех странах примерно две трети зала — женщины. Видимо, у них сильнее потребность в прекрасном — в музыке, спектакле. У мужчин другие страсти: или работа, или...

— Женщины!

— Или женщины.

— Вы относите себя к первым или вторым?

— К первым.

— А вот ходят слухи...

— Ходят. Но верьте — скажем, на 99 процентов. В театре взаимоотношения отличаются от нормального «производства». Они более бесполое, что ли. Поэтому, если я целуюсь с кем-то и обнимаюсь при встрече в коридоре — это обычный для театра стиль поведения. В опере «Огненный ангел» мы с Галиной Горчаковой играем сцену насилия. Если дать разок эту сцену изобразить какому-либо директору со своей секретаршей — Богу ведомо, во что бы это вылилось. Но когда мы ее повторяем в десятый, двадцатый раз... Ну что это, как ни работа?

— А иметь массу поклонниц очень утомительно!

— К счастью, массы поклонниц не имею. Я баритон, а не тенор.

— Есть разница!

— Весьма существенная. В кумиры выбирают последних. Почти в каждой опере тенор — герой-любовник. И когда он поет о любви, это затрагивает какие-то чувства, будит воспоминания, ворошит несбывшиеся надежды. И — рождает симпатию. Баритоны же попросту мешают тенорам на сцене жить, потому что поют, как правило, злодеев. Кроме того, говорят, определенная частота звука, присущая тенорам, чисто физиологически воздействует на какие-то женские клетки. Поэтому такие страсти у поклонниц Лемешева и Козловского. К нам же отношение другое. Чтоб вешались, травмились, впрягались в троллейбус — нет.

— И что же, вас поклонницы совсем не преследуют!

— Ну почему же, бывает. Только знаете, это иногда принимает такие странные формы... Пишут сумасшедшие письма. По телефону звонят... Причем порой пылкая страсть соседствует с озлобленностью против тебя же. Не понимаешь: вроде не давал никаких авансов, ничего себе не позволял...

— Словом, мешает жить!

— В таком виде, конечно. Но есть поклонницы и очень милые, я их могу даже назвать друзьями. Мы перезванива-

Молодой мужчина пенсионного возраста

емся, встречаемся, обсуждаем новинки. Одна дама узнала, что мне нравится довольно редкая разновидность цветка. Она сумела ее достать и передала мне. А на Западе, к примеру, у меня есть четыре просто-таки очень интересных почитательницы. Подруги, одинокие женщины, у которых единственная страсть — опера. Они ездят за мной повсюду. В Америку, правда, не летают, но в Европе ни одного спектакля не пропускают. Ждут после окончания, фотографируют, потом фотографии высылают. Вот это форма нормального общения. Кстати, точно так же они и за Пласидо Доминго везде ездят.

— Вы их не ревнуете!

— К Пласидо? (смеется, красивым, «поставленным» смехом).

— А как относится к ним ваша жена!

— К нормальным — нормально. А когда случаются «нецивилизованные» варианты, конечно, переживает. Скандалов не бывает, но я чувствую, что ей неприятно.

— Она живет вашими заботами!

— Да. Поначалу, правда, все было очень сложно. Она — артистка балета, я — начинающий оперный певец. Разница интересов. Потом, когда мои дела пошли, она, как женщина очень умная, согласилась с житейской мудростью — «в семье один — шулер, другой — ему подыгрывает». Потому что выигрыш — один на двоих. Пример грубоват, конечно, но тем не менее... Потом, конструкция мужского мышления такова, что он все равно стремится быть во главе. И когда жена закончила танцевать, это не было для нее трагедией. Она посвятила себя моей карьере.

— Говорят, театральная жизнь — сплошные интриги, зависть, соперничество...

— Вы знаете, я всегда стоял на той точке зрения, что в театре хватит работы всем. И театров на всех хватит. Особенно теперь.

— Сейчас у вас контракт в Англии!
— Да, с театром Королевской оперы Ковент-Гарден — до конца 94-го года.
— Значит, после этого мы вас снова будем регулярно слушать в Марининском театре!

— Не знаю. Если буду в голосе, видимо, продлю контракт. Что же касается выступлений на родной сцене... В Ковент-Гарден все мои спектакли расписаны по дням на три года вперед. Дома же ясности не бывает и на три месяца. Я бы с радостью и здесь часто пел. А вообще-то уже три года, как имею право уйти на пенсию. Не буду в голосе — пойду преподавать. Меня уже приглашали педагогом в Лондонскую музыкальную академию.

— Вы, вижу, в Англии чувствуете себя уютно...

— Очень, очень! Когда приезжаю туда после долгого отсутствия, хожу и улыбаюсь, как идиот. Удивительная страна. Люди легки в общении друг с другом, в то же время полны достоинства. Одного англичанина спрашивают: «Почему в Англии нет антисемитизма?» — «Потому, что мы не считаем себя глупее евреев».

Я человек привычек, традиций. Когда меня спрашивают, почему выбрал именно Англию, отвечаю, что, когда теряю авторучку, полгода не могу привыкнуть к новой.

— На семейной жизни эта ваша черта сказывается!

— Видимо, да. То, что считаю своим, должно оставаться моим. Может, потому и женат один раз в отличие от многих.

— Интересно, чем в Англии занимается ваша семья!

— Сын учится в университете, в Оксфорде, получает профессию биолога...

— Это дорогое удовольствие!

— Восемь тысяч фунтов в год. Для меня, конечно, сумма значительная. А жена занимается домом. Ухаживает за нами — готовит, стирает, гладит. Выращивает розы. Замечательные розы.

— Вы уже не первый раз вспоминаете про цветы...

— Моя слабость. Я считаю — это живые существа, и с ними нужно поддерживать хорошие отношения. Они влияют на нас, мы влияем на них. Когда после какого-нибудь отъезда захожу в свою комнату, то чуть ли не здороваюсь с каждым цветком. Вот приехал в Петербург, и в тот же день один расцвел... Обо мне, знаю, есть мнение, что я большой любитель женщин. Действительно, я женщин обожаю. Я поклоняюсь их красоте. Люблю их, как цветы.

— Сергей Петрович, у вас были в жизни кризисы!

— Кризисы?

— Да. Творческие, личные...

— Нет, не было, пожалуй.

— Вам можно позавидовать!

— Ну... Если хотите.

Позавидовал
Василий ГЕРАСИМОВ